

Глава 1. Дрожжевое тесто

Где моя талия?!

Не то чтобы я паникую, но все же... Еще месяц назад она была, а теперь ее нет. Или не месяц назад? Когда же я купила эту блузку и точно так же смотрела на себя в зеркало? На Новый год. *На Новый год!* Это же полгода назад! Нет, я точно помню, что там, где застегивалась пуговица на джинсах, оставался зазор размером в два пальца. И силуэт хоть немного походил на песочные часы. А теперь что? Нет, ну что это? Мои тела, поплывшие за пределы пояса, теперь напоминают дрожжевое тесто, сбжавшее за края кастрюли...

Маруся без стука отодвигает шторку примерочной и просовывает коротко стриженную голову с яркой голубой прядью. Ее стремление походить на своего кумира Артемия Лебедева иногда поражает.

— Лови другой размер. — Без задней мысли она вручает мне футболку чуть больше той, что обтягивает меня, как оболочка — ливерную кол-

басу. И почти сразу же жалеет, что пошла со мной за покупками, когда видит мои глаза на мокром месте. На моем лице весь спектр эмоций: от отрицания до принятия. — Ну ты чего, Лесь? — Она медленно скрывается за ширмой, словно нашкодивший кот, и тараторит, уже не глядя на меня: — А знаешь, пошли в другой отдел! Я где-то читала, что они перепродали магазин какому-то местному владельцу и отшивают вещи на другой фабрике. Может, у них лекала новые?

Я натягиваю свою затасканную толстовку и накидываю на голову капюшон.

— Новые лекала тут ни при чем, — бормочу я и выхожу из примерочной. — А вот мамин новый рецепт чебуреков — отстой!

— Чебуреки твоей мамы — топчик! — возражает Маруся и, на выходе прощаясь с консультантами, зачерпывает горсть конфет. — Когда Светлана Павловна снова соберется их приготовить — зови в гости! Ради такого не влом даже на автобусе в вашу глушь притащиться.

В подавленном настроении я брожу по торговому центру из одного отдела в другой и вполуха слушаю подругу. Она может болтать без умолку, а мне это только на руку. Вещи меня больше не интересуют.

— Давай, примерь тунику! Смотри, какая крутая! — Марусяка выуживает откуда-то с полка что-то длинное со стразами — напоминает вещь из гардероба Аллы Борисовны.

— Мне двадцать, — тяжело вздыхаю я, — а не семьдесят.

— А твоя мама бы обрадовалась! Ей нравятся такие вещи.

— Моя мама радуется всему блестящему. — И добавляю, глянув на ценник: — И дорогому!

— Ладно, давай перекусим, а потом что-нибудь выберем. Ты не затягивай! Выпускной уже в субботу. — Маруся достает телефон и сверяется с настенными часами магазина. — Прямой эфир с Виктором Максимовичем через пару часов, надо еще подготовиться.

Меня бросает в дрожь. Наш преподаватель и по совместительству научный руководитель моей дипломной работы всегда вызывает такую реакцию тела. А что творится с мозгами — вообще стыд и позор! Не умею вести себя адекватно рядом с красивыми мужчинами. Виктор Максимович — наша местная знаменитость. В тридцать лет кандидат филологических наук и основатель «Цензоров».

«Цензоры» — элита нашего университета. Группа из двенадцати бывших и нынешних студентов, которые выдают блестящие рецензии на книги, статьи и любые творческие работы. Мимо аудитории, где они собираются для мозгового штурма, все студенты проходят и крестятся, как христиане мимо церквей. Боги, одним словом, а не люди.

Представляете, как я радовалась, когда стала протееже самого Виктора Максимовича Аксено-

ва? Все считают это чудом. И только Марусяка знает, сколько сил и трудов я вкладываю в то, чтобы обратить на себя его внимание.

Хотя, конечно, научный интерес, связывающий нас, не совсем то, чего бы мне хотелось... Ах, мечты, мечты!

Мы заглядываем в пекарню при торговом центре. Я не собираюсь ничего покупать. Собственное отражение в зеркале — отличный мотиватор. Но крышесносные запахи в этой пекарне соблазняют еще из соседнего крыла здания. Разве можно устоять? Я покупаю батончик гранолы домашнего приготовления — меньшее из всех зол. Ну сколько она примерно весит? Граммов восемьдесят, не больше. Я вбиваю ее в графу «Перекус» в приложении телефона уже после того, как съедаю почти все.

— Уверена, что больше ничего не хочешь? — Марусяка скептически осматривает меня и переводит взгляд на свою дюжину пончиков в сахарной присыпке.

Fat Secret выдает 800 калорий за 100 граммов гранолы. У меня глаза вылезают из орбит, и последний кусочек буквально застревает в горле. Выплювываю остатки батончика и, чтобы побороть приступ кашля, запиваю стаканом воды.

— Воу! — Марусяка вскидывает руки и начинает заливаться смехом. — Это было отвратительно, Лесь! Может, все-таки пончик?

— Ты представляешь, сколько тут калорий?! Восемьсот! — Я с ужасом рассматриваю этикетку.

И сколько такой бесполезной гадости я съедаю за день? Какое классное и одновременно ужасное приложение! — Мне остается всего триста калорий на ужин, чтобы не превысить дневную норму. Как люди живут, съедая всего лишь тысячу двести калорий в день?

Живот неприлично урчит, поддакивая моему возмущению.

— На этот раз ты считаешь калории? — Маруська откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди. — В прошлом месяце было интервальное голодание.

— Скачала неплохое приложение. — Я стараюсь не обращать внимания на ее саркастическую усмешку и продолжаю расхваливать находку: —мотри, тут даже есть считыватель штрих-кодов, и ты можешь добавлять свои рецепты и рассчитывать калории...

Маруська слушает меня с красноречивым выражением лица «оно мне надо?». Я прекращаю рассказывать.

— Ты же в курсе, что без физических нагрузок все твои диеты — фигня?

— Ненавижу спорт!

Маруська со мной полностью соглашается. всю старшую школу и годы в университете мы обе дружно просидели на скамейке для освобожденных. Благо ее мама работает в поликлинике и может достать любые справки.

Мой телефон пиликает, сообщая о новом смс.

— Так, идем забирать тот пугачевский прикид. — Перевод на карту поднимает настроение, я залпом допиваю чай и расцветая в улыбке впервые за день.

— Твой анимешник наконец прислал остаток за книгу?

— Да, не могу поверить. Он каждый вечер засыпал меня новыми главами, а с оплатой месяц тянул! Отбил всю охоту читать книги для взрослых!

— Зато ты теперь знаешь, в чем пойдешь на выпускной.

Мы приобрели чудо-тунику, в которой я похожа на один большой страз на ножках. Чтобы поднять себе настроение и потратить остаток от перевода, я предлагаю заглянуть в книжный. Хочется заесть привкус от прочитанного второсортного порно чем-то качественным. Я прохожу мимо полка с классической литературой в поисках по-настоящему мощного автора. Оруэлл? Подойдет. Беру «Скотный двор» в новеньком переиздании и подхожу к Маруське. Книга, которую я редактировала несколько месяцев назад, уже переместилась с полки «нон-фикшн» в «бестселлеры». Подруга делает фото и выкладывает его в сторис.

— Прикинь, ты теперь звезда! — комментирует она, отмечая меня на фото. — Следующее интервью возьму у тебя.

— Не трать время, популярность мне не светит. — Я цокаю, вертя книгу в руках: моя фамилия значится последней после редакторов издательства. — Вся слава всегда достается писателям.

— Скажи это «цензорам». — Маруська несет книгу на кассу. — Любой автор удавится за шанс оказаться у них в руках.

— Они — другое дело. Они задают тренды в мире литературы.

— Кстати, что ты планируешь на остаток дня?

— Посижу с ноутбуком в «Бонифафии», поищу какую-нибудь интересную работу среди заказчиков. Мне хочется чего-то... — и замолкаю, не зная, что именно может привлечь внимание моего куратора. Но это обязательно должно быть что-то особенное.

— Например?

— Пф, — я поднимаю руки и роняю их с тяжелым выдохом, — что угодно, только не очередная манга с рейтингом «восемнадцать плюс-плюс-плюс»!

Маруська хихикает. Она любит подобное чтение и периодически просит у меня почитать рукописи, которые мне присылают для редакции. Поначалу мне было все равно, какой текст править, лишь бы за него платили. Но теперь мне хочется уйти в другое русло, взяться за что-то стоящее. За то, во что я сама поверю и, может быть, вдохновляюсь.

Мы выходим на улицу. Июньское солнце слепит глаза, мы щуримся после приглушенного освещения торгового центра.

— Хочешь посмотреть интервью Максимыча?

Я застываю и, не веря своим ушам, оборачиваюсь к подруге. Ее лукавую ухмылку я знаю наизусть. Она не шутит, предлагая мне то, о чем я даже попросить не смела. Не говоря ни слова, я бросаюсь на шею подруги и от полноты чувств сжимаю так, что она закашливается.

Она никого не пускает в студию во время записи. Я благодарна ей за то, что она делает исключение ради меня. И ради моих безответных чувств к преподавателю.

— Только ничего не трогать! — зачем-то предупреждает Маруська.

Это нормально, когда ты смотришь на рот говорящему человеку и не смеешь даже моргнуть? Как змея под гипнозом флейтиста, я раскачиваюсь, сидя на стуле, влево-вправо и слушаю голос из динамиков. Хорошо, что меня не видно за затемненным стеклом студии.

В маленькой камерке с шумоизоляцией Маруська вот уже три года записывает контент для университетского радио и его официальной группы. У нее настоящий талант! Только она может обычную новость преподнести так, что ее несколько дней обсуждают все студенты. Она це-

лых полгода добивалась интервью с Аксеновым. Можете представить, как занят этот человек?

Я стараюсь вести себя тихо, хотя знаю, что комната для записи изолирована от посторонних звуков. Маруся несколько раз показала на приборы и кнопки, на которые мне нельзя нажимать. Прямой эфир — дело серьезное. Я сижу тихо, даже дышать боюсь.

Виктор Максимович одет в темно-серый костюм, под ним белоснежная рубашка и галстук, который он ослабил всего пару минут назад. Я подписана на его страницу в соцсети и слежу за всеми фотографиями, которые он выкладывает. Особенно из спортзала. Именно благодаря им я знаю, какое красивое и накачанное тело он прячет под строгой одеждой.

Я не свожу глаз с двух небрежно расстегнутых верхних пуговиц, которые открывают его шею и часть ключицы. Я что, только что облизала губы, глядя на него? Господи, только бы никто этого не видел! Стыдливо оборачиваюсь, прекрасно зная, что в студии записи никого нет.

Интервью уже подходит к концу, а я так и не придумала, что скажу, когда он выйдет и увидит меня. Я безотрывно наблюдаю за мужчиной за стеклом и, кажется, начинаю пускать слюни. Буквально. Ну разве можно оставаться равнодушной, когда говорит этот человек? Из динамиков льются не звуки его голоса, а самый настоящий мед, такой сладкий и тягучий.

— М-м-м, так бы тебя и съела! — мечтательно вздыхаю, роняя лоб на стол.

Что-то меняется в выражении лиц Маруськи и Аксенова, когда я поднимаю голову. Виктор Максимович оглядывается на стекло с настороженностью, губы слегка подергиваются, силясь сдержать улыбку. А Маруська покрывается красными нервным пятнами. Я знаю их: это значит — быть беде. Кто накосячил? Что произошло?

Я непонимающе моргаю и обвожу взглядом сначала комнату, а потом панель управления. И вдруг замечаю кнопку Sound ON, горящую красным. «Я что, сказала это вслух? А он это услышал? — мелькает у меня в голове, и тут же молниеносно вторая догадка, еще хуже первой: — Или это услышали *все* в прямом эфире?!»

По спине пробегает холодок, я закрываю рот рукой, чтобы сдержать вырывающийся крик ужаса. А в это время из каморки выходит Виктор Максимович.

— Спасибо за приглашение, Мария, было приятно... — говорит он с дежурной интонацией и поворачивается ко мне, так и не закончив фразу.

Мне становится дурно от его широко распахнутых глаз и очевидного удивления на лице. Он точно это слышал!

— Здравствуйте, Олеся.

— Здравствуйте, Виктор Максимович, — откликаюсь я, опуская голову.

Неловкость, повисшую в воздухе, нарушает Маруська, когда выходит за преподавателем

«Ну, хоть кто-то озвучил мои мысли вслух!»

Вместо того чтобы посыпать голову пеплом от стыда, я заливаюсь смехом вслед за подругой.

— Да! Теперь я ни за что не пропущу выпускной! — воет сквозь смех подруга, вытирая слезы. — Хочу видеть, как ты теперь будешь смотреть в глаза Максимычу!